

Дрyгая Дрyгослyвiя

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА:

1. **Летопись единоверческой жизни** 1
2. **Держитесь Предания.** Об иконах. *Священномученик Иоанн Бороздин* 4
3. **Церковное пение.** Доклад о церковном пении князя *А. А. Ухтомского* 6
4. **Лица.** Муж государственный и верный (продолжение) *В. Карпец* 15
6. **Богослужения** в единоверческом храме Архангела Михаила в июне 200 $\frac{1}{4}$ года 20

Летопись единоверческой жизни

К ПРАЗДНИКУ Святой Пятидесятницы в единоверческом храме Архангела Михаила завершена роспись центральной части зимнего храма. Тема композиции, украсившей центральный свод, — прославление Пресвятой Троицы. Основой для воплощения художественного замысла послужила икона «Живоначная Троица» письма XVII века из Покровского старообрядческого собора в Москве на Рогожском кладбище, рекомендованная главным консультантом данного этапа росписи храма Виктором Николаевичем Миловановым. Центральное место композиции — изображение Пресвятой Троицы, носимой на Херувимах и окруженной Серафимами. По краям свода мы

Композиция «Живоначная Троица». Свод центральной части зимнего храма Архангела Михаила

видим Архангелов Михаила и Гавриила со множеством Небесных Сил Безплотных, прославляющих своего Творца. Таким образом, в одном сюжете очень удачно реализованы две идеи: показано величие Пресвятой Троицы и изображены *Архистратизи Божии Слуги Божественныя Славы* (Кондак на праздник Архистратига Божия Михаила и всех Небесных Сил Безплотных), коим посвящен главный Престол нашего храма.

Кроме центрального свода были расписаны и четыре колонны. На них изображены четыре благоверных великих князя: святой равноапостолом Владимир, просветивший Крещением Русскую землю, святой Михаил Тверской, мученическим венцом украсивший свое житие в Орде, святые Александр Невский

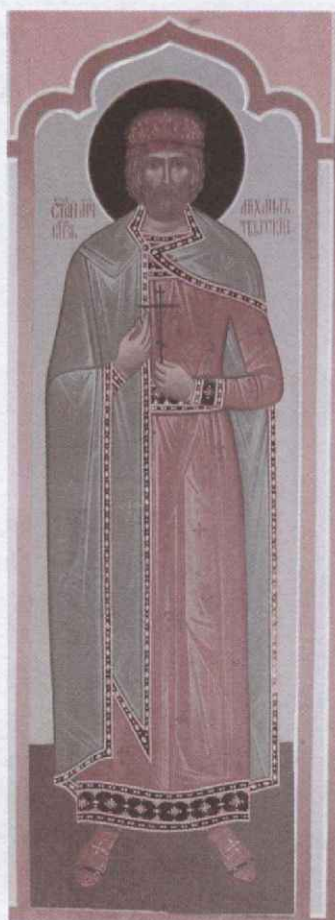
и Димитрий Донской, мужественно сражавшиеся за родную землю и принесшие ей освобождение от иноземных захватчиков.

Создается впечатление, что великие князья, которые во всю свою жизнь ставили интересы святой веры и родного Отечества превыше всего, и в нашем храме словно удерживают на своих плечах всю тяжесть сводов, вознося святые свои молитвы к Престолу Вседержителя о всех, прите-

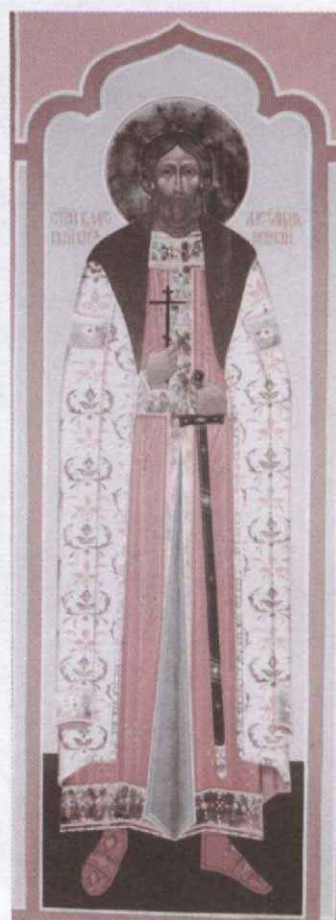
В прошлом месяце в храме Архангела Михаила было два Престольных праздника: 23 апреля / 6 мая — святого славного великомученика Георгия Победоносца, а 9/22 мая — иже во святых отца нашего Николая, архиепископа Мир Ликийских Чудотворца. Знаменательно, что в мае на Святые Врата перед храмом Архангела Михаила были воздвигнуты святые иконы этих высокопочитаемых в нашем храме святых угодников Божиих.

Св. великий равноапостол
князь Владимир

Св. блгв. великий
князь Михаил Тверской

Св. блгв. великий
князь Александр Невский

Св. блгв. великий
князь Димитрий Донской

кающих к ним. Остается добавить, что роспись сводов и колонн центральной части зимнего храма выполнили московские изографы Сергей и Юрий Михайлович Козыревы, до этого изобразившие композицию «Неопалимая Купина» на восточном своде центральной части зимнего храма. Михаило-Архангельское единоверческое общество выражает глубокую признательность им, а также Виктору Николаевичу Милованову, дававшему ценные рекомендации на протяжении всего периода выполнения росписи.

Иконы выполнены в мозаике по образцам XII–XIII веков, взятым из Синайских, Никейских, Солунских и Константинопольских храмов.

Эта эпоха была периодом расцвета данного вида искусства, происхождение которого не исходит во глубину веков, во времена античности, в Древнюю Грецию, Древний Рим и Помпеи.

Кроме особенной красоты, произведения данного вида искусства отличаются наибольшей сохранностью и износостойчивостью, практически не меняя своего облика на протяжении многих

столетий, прекрасно подходят для наружного украшения храмов. Пожалуй, самыми известными мозаичными образами являются иконы храма Святой Софии Константинопольской, являющиеся подлинными шедеврами церковного искусства.

На Руси в первые века после Крещения и во время начального распространения христианства для выполнения мозаичных изображений в храмах приглашались византийские мастера. Самыми известными образцами моза-

ических храмов. К таким мастерам относятся Александр Сергеевич Крестовский, Дмитрий Юрьевич Лисиченко-Лисица и Андрей Львович Рогов, изготовившие иконы святителя Николая и великомученика Георгия для украшения Святых Врат храма Архангела Михаила.

При выполнении работ мастерами была использована смальта из Италии, а также смальта, изготовленная российскими производителями из Санкт-Петербурга и Подмосковья.

Св. великомученик Георгий.

Икона на Святых вратах храма Архангела Михаила

Св. Никола Чудотворец.

Икона на Святых вратах храма Архангела Михаила

ичи являются настенные изображения в храме Софии Киевской, построенной по подобию собора Святой Софии Константинопольской во времена великого князя Ярослава Мудрого. Они также являются плодом трудов византийских мастеров. К сожалению, данный вид искусства широкого распространения на Руси не получил. Сначала это было вызвано татаро-монгольским игом, разорившим русские земли, затем падением Византии в 1453 году.

В настоящее время искусство мозаики в России переживает времена подъема. Появились настоящие мастера этого вида искусства, украшающие своими работами мно-

Как уже говорилось, мастера приняли за основу лучшие образцы византийской мозаики и замечательно воплотили свои идеи, сумев реализовать свой творческий потенциал в прекрасных канонических формах.

Практически сразу после окончания работы над образами святителя Николая и великомученика Георгия А. С. Крестовский, Д. Ю. Лисиченко-Лисица и А. Л. Рогов приступили к выполнению эскизных проектов иконных изображений святых Архангелов Михаила и Гавриила, которые будут установлены с внутренней стороны Святых Врат.

Держитесь Предания

1 Всероссийский съезд православных старообрядцев (единоверцев), прошедший в январе 1912 года в Санкт-Петербурге, рассматривал многие важнейшие для Единоверия вопросы, такие как возможность избрания единоверческих епископов, отмена клятв Московского Собора 1667 года и порицаний на старые обряды, приходское устройство единоверческих храмов. Значительное место в повестке дня съезда занимали и вопросы, касающиеся богослужения в единоверческих церквях. В настоящем номере «Правды Православия» мы помещаем два доклада, прочитанных в этом разделе работы съезда. Автор первого из них **диакон Иоанн Бороздин** в пору проведения съезда был священнослужителем Всехсвятского женского единоверческого монастыря в Москве. В 1930 году он, будучи уже в сане протоиерея, был назначен настоятелем Никольской единоверческой церкви на Рогожском кладбище. В 1937 году арестован и расстрелян на полигоне в Бутово. Поместный Собор Русской Православной Церкви в 2000 году канонизировал священномученика Иоанна в лике святых.

ОБ ИКОНАХ

ЕДИНОВЕРЦЫ приняли от своих предков, говорил автор доклада, всю древнюю церковность и обычаи того времени, когда Русь Святая мало знала «иноземщину» и не принимала нововведения.

Так как Православная Церковь все приняла от греков, то наряду с другими преданиями был принят и порядок украшения святых храмов Божиих древним иконописанием.

Любя дорогую старину, наши предки заботились об этом более всего, а потому нарочно ездили в Грецию за лучшими того времени иконописцами, учились у них, а в последствии и сами были таковыми; так положил начало в Руси этому искусству преподобный Алимпий Печерский.

Это святое искусство и до ныне развивается у нас в России

и целые общества и Высочайше учрежденный Комитет о русской иконописи стараются поддержать его на той высоте.

Священномученик Иоанн Бороздин

Но вот, что печально, наряду с этим древним иконописанием, за последние годы стали появляться фабрики этого дела, и уже выпустили массу новых «изделий святого изображения»; и, открыв, выпускают из под своего «пресса» иконное изображение, наряду с теми «металлическими изделиями», которые, как уже говорилось неоднократно в печати, пригодны и для «ваксы». Но этого мало, за это святое дело взялись люди неправославные — это господина Жако и Бонакер.

Религиозное чувство православного христианина не может допустить того, чтоб эти изделия «пресса» были в храме, но между прочим, это замечается даже и у нас единоверцев.

Слава Богу, в столице здесь мы этого не видим, но вот в провинции различных губерний, а особенно на окраине, храмы это стали допускать; там приходится видеть «прессованную икону», а наряду с ней бу-

мажную картинку, наклеенную на «доску» такого же производства и вместе с сими икону «модного живописного письма».

Отчего же это вводится? Да, оттого, что единоверцы на это мало обратили внимания или не знают даже тех постановлений и канонических правил, какие постановлены на 3-м и 7-м Вселенских соборах.

На 3-м Вселенском соборе в Эфесе в 431 году, собравшись святые отцы выразили следующее: *Христос Бог наш плотию есть описуем* (Кн. об образописании худ. стр. 1870 г.). Затем, на 7-м Вселенском соборе в Никее в 787 году постановили также: *Святые иконы еже начертанием и другими вещми украшение и мущая ... во святых Божиих церквах «писатися»* (Толк. Ев. в 1-ю нед поста Моск. печати).

В отеческих книгах читаем так: *«Ко истинному же извещению правды веры якоже изперва свыше чистья и непорочныя христианския веры по апостольских Богоутвержденных преданиях, во всех наших святых церквах, боголепно и благообразно честных и святых икон красоты «писанием» предаша... честию и любовию почитати повелеша* (Многосложный св. лист).

В неделю первую поста на утрени в каноне восьмой песни читаем так: *Законы церкви отечески сохраняюще «образы пишем»* (Октай, глас 1-й в предисловии). И здесь же стихера на хвалитех 2-я поем: *Плотское воображение Твое начертאותе Господи.*

И так, в вышеприведенных доказательствах всюду говорится: **«описуем, писатися, писанием предаша, и образы писать повелеша, но нигде нет указания, чтобы печатать».**

Наоборот, как бы в опровержение этого «нововведения» так сказано: *со всякимъ убо опасением изыскавшие и испытавши и смотрению истинному последовавшие ничтоже отъемлем и ничтоже прилагаем, но вся предания церкви невредимо соблюдающе* (Октай, глас 1-й, предисловие).

А в Толковом Евангелии дополнено и разъяснено: *«смяющихся же инако мудрствовати или учити и Церковная предания презирати новая же некая разумети еже развратити что от обычныхъ преданий Вселенския Церкви: аще епископи суть изменити повелеваемъ, аще иноцы или бельцы от причащения да отлучатся.*

Святый собор сия предал есть. Все убо тако веруем, все убо тако мудрствуем, все тако похвалившие записяхом» (Кн. Окт. в 7-е лето Патр. Иосифа).

А что иконописание освящено Премудростию свыше, то на это указывает святое писание, где Господь Бог Сам помогал в писании икон чудесно. Это мы видим в житии Алимпия Киево-Печерского иконописца (Кн. Ур.

Дьяченко и минея). Кроме того, Господь Бог всем чтущим христианам посылает благодать свою через святые иконы, которые писаны так же древним «иконописанием», на что указывает история Церкви.

Но нигде нет указания или примера, чтобы святой ангел оный печатал, или через «такую прессованную икону» была дана благодать людям от Бога.

В 1674 году в окружной Патриаршей грамоте, вот что между прочим говорится... «Запрещается распространение рисунков на бумажных листках. Ведомо великому Господину Святейшему Иоакиму Патриарху учинилося, что многие торговые люди печатают на бумаге листы икон — святых изображений...листы эти печатают-немцы, еретики, лютеры...печатают в посмеях христианам, а сами святых икон не почитают...Церковню святою и отеческим преданием...заповедано и утверждено писати на досках, а не на листках...И того ради велети...чтоб на бумажных листках икон святых не печатали и не продавали...а кто учинится сему преслушен начнет торговати или покупати тому быти от Великих Государей в жестоком наказании и те продажные листы вземше безценно да истребятся, а сверх того на том доправят большую пеню» (Кн. Ак. Археол. Эк. 1836 г.).

Вот, как заботились раньше об иконописи, чтоб не допустить не только в храмы, но и в дома, «клетки и сени» этих печатных произведений!

Поэтому, необходимо обратить внимание единоверческому Всероссийскому съезду, чтоб в наших церквах не допускалось такое нововведение печатных икон, так как единоверцы должны уважать свою старину и помнить, что заповедали об этом святые отцы Вселенских соборов, о чем заботился ревностно и преподобный отец Иоанн Дамаскин в 27-й главе он пишет так: «да протопопом же и старейшимъ священником со всеми священники в коемждо своем граде, во всех святыхъ церквах дозировать святыхъ икон» (Кн. худ. Струкова, 1870. Лист 20-й).

Диакон Иоани Петров Бороздин

На основании данного доклада и последовавших за ним выступлений Съезд православных старообрядцев (единоверцев) определил писать иконы на досках и не принимать к употреблению иконы фабричного изделия (печатанные на жести, листах и т. п.).

Полагаем, что и мы — последователи отцов-участников Съезда должны строго выполнять это постановление как в отношении украшения храма, так и наших домов.

Церковное пение

На сей раз в нашей постоянной рубрике мы помещаем доклад князя Алексея Алексеевича Ухтомского о Церковном пении, прочитанный в январе 1912 года на Первом Всероссийском съезде православных старообрядцев (единоверцев). Автор был в это время старостой Никольской единоверческой церкви Санкт-Петербурга и принимал деятельное участие в жизни Всероссийского единоверия.

Если мы в настоящее время призовем стороннего, ни в ту ни в другую сторону не предубежденного человека, не посвященного в исторический спор старо- и новообрядчества в русской церкви, но человека духовно достаточно чуткого, и если мы попросим его присмотреться и сказать нам, в чем он усмотрит наиболее характерную и существенную особенность старообрядческого храма и богослужебного чина по сравнению с современным общеправославным, то сторонний человек, весьма вероятно, не успеет уловить различия в сложении перстов при крестном знамении, тройного или сугубого пения аллилуия, присутствия или отсутствия слова «истиннаго» в Символе веры, в то время как он непременно обратит внимание и укажет, как на существенное, на то, что чинность служащих и предстоящих богомольцев в старообрядческом храме не те, что видятся в храмах новообрядческих; служба в старообрядческих храмах обычно несколько продолжительнее, чем в новообрядческих, — она обильнее и разнообразнее песнопениями и чтениями, чем служба в общеправославных храмах; наконец общее художественное впечатление от старообрядческого богослужения, общий дух и настроение старообрядческого богослужебного чина решительно отличается от того, что господствует в современном рядовом новообрядческом храме, где сокращенная служба, утеряв разнообразие по содержанию, разнообразится искусственно специальной церковной музыкой. Общая художественная стихия, характер церковного искусства в старообрядческом храме не те, что господствуют в современном новообрядческом храме.

Неторопливая мерность в соблюдении церковного чина, тщательное выпевание дневных стихер, седальников, прмосов, трогательные погласицы в чтениях, нако-

нец совершенно своеобразное сочетание художественной глубины с глубоким целомудрием и, как бы сказать, музыкальным смирением в знаменном распеве, все это создает особую церковно-художественную стихию старообрядческого храма, которая составляет самое выпуклое отличие его от современного храма новообрядческого. И если теперь придет к нам ученый миссионер, или начетчик, и будет доказывать, что существенное

различие старообрядческого и новообрядческого богослужения не в том, что уловили наш неподготовленный сторонний наблюдатель, а именно в редакции Иосифовских и Никоновских книг, в перстосложении, в двойном аллилуия и других пунктах, излагающихся в учебниках, то и тогда, когда наш сторонний человек уразумеет значение этих пунктов, — и тогда все же различие богослужебных практик, о которых мы говорили, останется для него различием для него наиболее очевидным и наглядным, и для него не будет понятно, отчего же это редакционные особенности Иосифовских или Никоновских книг, или различное перстосложение имели такое следствие, что те, кто принял Иосифовския

книги, двойное аллилуия и двуперстное сложение, т. е. отлученные собором 1667 года, содержат доселе уставный церковный чин, тогда как те, что приняли Никоновские книги, тройное аллилуия и троеперстное сложение, перешли в общем к совершенно иной богослужебной практике.

Да, художественная особенность старообрядческого храма сравнительно с современным новообрядческим — особенность самостоятельная, — ее надо поставить рядом и равносильно с прочими обрядовыми особенностями того или другого храма.

Отнимите у старообрядческого храма общий уставный характер богослужения,

Князь А.А. Ухтомский.

Фото 1912 года

это как бы сказать «святое послушание» Церковному уставу, отнимите смиренные мотивы знаменного распева, и старообрядческий храм перестанет быть старообрядческим храмом, хотя бы там остались и Иосифовские книги, и двуперстное сложение, и подручники. Мы ведь и знаем, и постоянно можем убедиться в том, что чуткие старообрядцы перестают ходить в единоверческий храм, как только там начинает падать богослужебный чин.

Нельзя не отдать справедливости пронципальности и психологическому пониманию тех деятелей, которые, задавшись целью во что бы то ни стало слить единоверческие приходы с современными общеправославными, ведут свою линию так, что о перстосложении, и Иосифовских книгах, и прочем они ничего не упоминают, а всего только понемногу расшатывают в единоверческом храме уставность богослужения, любовь и послушание церковному уставу, и понемногу же начинают искажать строгость старообрядческого клироса, водружая на нем заветы более легкого концертного искусства. Расшатайте уставность старообрядческого богослужения, поселите там просвещенный индеферентизм к церковному уставу, нарушите там знаменый распев, поставив на его место ласкающее уши концертное пение, и вы самым верным и надежным способом разрушите все прочие особенности старообрядческого храма. Если бы эти, поющие концертные пьесы и искажающие Божественную службу люди и стали тогда, по некоторому упорству, именовать себя старообрядцами, это было бы только недоразумением и их никак не признали бы за старообрядцев сами отцы и основоположители старообрядчества.

Если теперь тот же, призванный нами, сторонний и непристрастный человек, о котором мы говорили, задается вопросом, что же это за роковое разделение во вкусах, во внутреннем отношении к богослужебному чину и к церковному художеству в среде старообрядчества и в среде современного новообрядчества, то ему откроется вот что.

Почти настолько же, насколько старообрядческий богослужебный чин отличается от того, что общепринято в типическом современном общеправославном храме, настолько же отличается от этого последнего и тот богослужебный чин, который поддерживается еще доселе в некоторых, правда очень редких, новообрядческих монастырях со строгим укладом иноческой жизни. Отношение к уставу и общий церковно-художествен-

ный дух богослужения в Гефсиманском скиту, на Валааме, в Оптиной и Зосимовой пустыни несомненно гораздо ближе к тому духу, что царит в старообрядческих храмах, чем к тому, что типичен для современных старообрядческих храмов. И вот оказывается, что при всем том, что в Гефсиманском скиту, на Валааме, и т. п. редких местах богослужебные книги — Никоновские, принятое перстосложение — троеперстие, аллилуйя троит, — при всем том многие твердые старообрядцы приходят и с любовью стоят службу в Гефсиманских, Валаамских или Оптиных храмах. Новообрядские же иноки из Гефсимании или Валаама, бывая на послушании в Москве и Петербурге, идут с любовью в единоверческие храмы, где богослужение более удовлетворяет их обычаю и привычке. В одном недавнем старообрядческом издании мы читаем: «В Саровской пустыне или в Московском Успенском соборе церковные порядки так мало похожи на богослужение в приходских храмах и так во многом напоминают седую старину, что и старообрядцу подчас кажутся родными и любезными сердцу... вы смотрите здесь на святых — могучих, сверхчеловеков, тогда как в приходских храмах они уже давно переделаны в людей обычных, таких же немощных, как и мы сами...»¹

Оказывается, что там, где новообрядцы со тщанием и любовью относятся к церковному уставу, где царит та же тихая мерность богослужения, — отражение *мерности христианского подвига*, о которой настоятельно предупреждали отцы и учителя Церкви, — там, где клирос строг, некриклив, но благоговейно исполняет положенные песнопения — являя тем образ *смирненного послушания*, — там все утончается и утончается, и почти исчезает различие между новообрядчеством и старообрядчеством, — новообрядцы и старообрядцы начинают чувствовать там в наше время свою духовную близость и братство. Общая любовь к церковному делу становится там людей выше перегородок, разделений и горьких недоразумений 1667 года.

Стало быть именно в исполнении церковного устава, в его несравненном художестве, в строгости и глубине знаменного распева, первее же всего *в любви и послушании церковному чину*, т. е. в том взгляде, что исполнение его есть «святое послушание», — вот где кроется духовная сила, составляющая основное своеобразие древнего богослужения, могучая воспитательная сила, способная творить чудеса: поселять начатки мира Христова и единения в простые души там, где премудрые и разумные сумели в свое время положить только гнев

и разделение. Именно здесь, конечно, начатки того единения рассеянных чад русской церкви, для которого стоит потрудиться и которого следует ждать и желать. Это должно быть единение в общей любви к Церкви, церковной жизни и церковному искусству, но не единение в общем безразличии и небрежении.

Что в полноте церковного устава и в тесно связанном с ним знаменном пении, в нравственном качестве того понимания, по которому исполнение церковного устава есть дело и послушание, — что в этом кроется могучая духовная сила, тут нет, конечно, ничего неожиданного. Ведь церковный устав создан не кем-нибудь, а поколениями христианских подвижников, великими церковными художниками и творцами на протяжении веков, начиная с апостольских времен². Здесь говорят нам не единоличная мудрость и не случайное вдохновение отдельного человека, хотя бы обладающего высоким художественным дарованием и высоким же художественным опытом, но говорит церковь за несколько веков своего бытия. Поэтому-то простое, тщательное и разумное исполнение того, что положено в Триодах, в Октае, в Минеях, дает людям само по себе духовное и богословское воспитание, подчас более глубокое и действительное, чем то, что почерпается из школьной учебки. Сколько великих деятелей русской Церкви воспиталось на этих богослужебных книгах!

Понятно также великое психологическое значение общей мерности в исполнении церковного чина и в том, как по уставу внимает ему богомолец со своевременными поклонами и со своевременным умолчанием в человеке всяких внешних движений. Чтобы надежно и прочно проникнуться церковным чином и подчинить себя его водительству, нужны не порывы, не какие-нибудь вспышки вдохновения, а тот «ровный ветер», выдержка, постоянная самодисциплина, терпение, неослабное внимание и «мерность», о которых настоятельно повторяют в своих творениях подвижники и отцы церкви. По убеждению отцов «все безвременное и безмерное вредно»³, «мерность же во всем прекрасна»⁴. «Да будет соблюдаем во всем порядок, и ни зла не будет в тварях, ни того, что бы влекло к нему не окажется»⁵.

То, что от минутного вдохновения и от порыва, ненадежно и опасно, ибо грозит прелестью. «Если душа, — говорит блаженный Диадок, — *неколеблющимся и немечтательным движением* воспламеняется к любви Божией, влечет в глубину сей неизреченной любви и самое

тело, то ведать надлежит, что это есть действие Святого Духа. Будучи вся преисполнена приятных чувств от неизреченной божественной сладости, она и не может в ту пору помышлять ни о чем другом, а только чувствует себя обрадованною некоею неистощимою радостью. Если же при таком возбуждении ум воспримет некое сомнительное... помышление... то ведать надлежит, что утешение то от прельстителя, и есть только призрак радости. Радость такая совне навевается и является *не как качество и постоянное расположение души*»⁶.

Отсюда же далее понятно исключительное значение знаменного и столпового пения в храме. Творец знаменного пения — сам церковный народ, поколения людей, преданных церковному уставу, внимавших его воспитывающему водительству. На знаменном пении и отразилась душа тех, кто дорожил прежде всего ровностью ветра, неослабностью внимания, мерностью подвига. Здесь нет отдельных эффектных вспышек музыкального вдохновения, нет порывов, замечательным образом сглажена и утишена всякая страстность. От того никакое другое пение в храме не способно лучше, чем знаменный распев, влить в людей это ровное, безпорывное, за то мужественное и неослабное настроение христианского подвига и внимания себе.

Чрезвычайно важную особенность древнего церковного чина составляет *отсутствие пестроты* во впечатлении от него. Это несомненно отображение той ровности течения и единства внимания, о которых учили отцы. И в церковном пении, где оно на высоте своей задачи, есть боязнь лишним, неосторожным музыкальным эффектом нарушить единство внимания предстоящих, чтобы, применяясь к слову блаженного Диодоха, не нарушить призрачную внешнею радостью от неожиданного слухового эффекта то «неколеблющееся и немечтательное движение души» к любви Божией, которая должна быть, «качеством и постоянным расположением души». «Что зрение, вкус и прочие чувства *разсеивают память сердца*, — говорит опять блаженный Диадок, — когда мы пользуемся ими без меры, об этом первая возвещает Ева»⁷. Отдавать свое внимание в мир ощущений — значит ослаблять в себе дух деятельности. Молитва, по представлению отцов церкви, есть *усиленная деятельность ума*; церковное искусство и пение содействуют делу молитвы тогда, когда, чрез посредство чувств, снова и снова усиливают ослабевающее внимание ума: *ощущение есть лишь средство для того, чтобы усилить внимание, центр которого стоит на деятельности ума, т. е. на молитвенном*

делании. Напротив, когда искусство и пение своею пестротой и неосторожными, излишними эффектами будет отвлекать внимание именно на ощущения слуха, тем самым оно отвлечет внимание от деятельности молитвы и, значит, будет приносить вред. Вместо внимания к деятельности ума наступает внимание к ушам и их восприятиям.

«Гласное пение, — говорит Григорий Синаит, — есть указание на вопль умный внутри, и дано нам на случай разлечения... чтобы возводить нас в должное по истине настроение... Иногда ум изнемогает произносить молитву сам по себе, от уныния, иногда уста утомляются делать это. Поэтому обоими надо молиться, и устами и умом. Однако ж тихо и без смятения надо звать к Господу, чтобы глас не разстроил внимания ума и не пресек молитву»⁸.

«Желаем, говорят отцы, 6-го Вселенского Собора, чтобы приходящие в церковь для пения не употребляли безчинных воплей, не вынуждали из себя неестественного крика и не вводили ничего несообразного и несвойственного церкви: но с великим вниманием и умлением приносили псалмопения Богу, назирающему сокровенная. Ибо священное слово поучало сынов Израилевых быть благоговейными»⁹.

Надо признаться с великим сожалением, что в те времена, которые идут из привилегированных храмов господствующей церкви и которые, распространяясь отсюда по России, создают своего рода моду на клиросах, не принимается во внимание это важное обстоятельство: необходимость единства внимания у предстоящих в храме; там с какою-то роковой неизбежностью вносится пестрота мотивов и настроений, люди приучаются к этой пестроте, начинают потом требовать ее, и самое существо церковного клироса, как послушника и служителя церковного чина, теряется: теряется безстрастие и смирение, ровный, непорывистый дух нашего древнего клироса. Что-то самое важное и драгоценное уходит с клироса с того момента, как там нарушено предание церковной старины; и получается такая странная вещь, что недвижимый, застывший и по внешности очень благоговейный клирос современного привилегированного храма, послушный своему капельмейстеру, как орган, действует в смысле сосредоточивания умственного внимания предстоящих на молитве без сравнения менее, чем подвижной и подчас говорливый

иноческий клирос; внимание предстоящих продолжает быть увлечено музыкальным хором самим по себе и в ответ на неподвижность и внешнее благоговейство нашего

хора в людях возбуждается праздный восторг: «смотрите, смотрите, как он выработан, как он похож на орган, как он безукоризненно послушен этому господину во фраке, что махает головой и руками»... Значит и там, где этот музыкальный хор достиг своего идеала, он плохо исполняет дело церковного клироса. «Ибо когда душа ослабит разсмотрительное и напряженное внимание ума, тогда душу ту объемлет ночь»¹⁰.

Есть замечательная по вдохновенной глубине и силе музыкальная обработка начального псалма на вечерни «Благослови душе моя Господа», принадлежащая перу преосвященного Никанора и составлявшая один из лучших номеров петербургского митрополичьего хора. Пьеса эта имеет несомненно очень большое достоинство в качестве именно духовной музыки, нельзя слушать равнодушно мощное музыкальное изображение таких слов, как «Полагая облаки на восхождение свое, ходяи на крилу ветреню... напаяя горы от превыспренных своих, от плода дел твоих насытится земля»... И вот после этой удивительной пьесы вы естественно ожидаете все возрастающей силы идейно-художественного впечатления по мере развития службы и развертывания идеи праздника на стихерах, во время канона, светильнов и хвалитных... Между тем этого нет, да, думается, и не могло бы быть, ибо не хватило бы сил пропеть всю службу в духе той музыки, что была в начале. А от этого цельность, единство организации службы уже нарушена: у предстоящих так и останется впечатление какого-то совершенно выделенного, очень сильного и яркого музыкального обрывка в начале, который, как обрывок, и не имеет впрочем никакого другого смысла в прослушанной службе кроме того, что он красив. Это совершенно так же, как если бы на картине один небольшой и второстепенного значения кусок полотна был написан большим художником, с высоким чувством, тогда как все остальное поле, притом по содержанию наиболее важное в картине, закончено мастерами. Так что и очень высокая по своим достоинствам музыка неоправимо нарушает драгоценное единство богослужебного чина, когда она вкрапливается таким случайным обрывком в обычное течение Божественной службы. Осторожность побуждала древних греков и наших предков не ставить особенно музыкальные и сильные в музыкальном смысле песнопения на клирос и наслаждаться, например, демеством, во внебогослужебных, домашних собраниях. «Когда мне случается, — говорил Блаженный Августин, — что меня трогает больше пение, нежели то, что поется, то признаюсь, что я тяжко согрешаю, и тогда желал бы я, чтобы не слышать поющего»¹¹.

Это так в отношении духовно-музыкальных пьес высокого достоинства. Но в большинстве случаев дело с новыми музыкальными веяниями в церкви обстоит и того хуже: ведь настоящих талантов немного, немного и творцов истинно художественных произведений. А если допущено смотреть на клирос, как на певческую эстраду, куда можно пускать, в виде пробы, пьесы различных авторов и «молодых талантов» и от претендентов на это звание на клиросе уже не будет спасения, не будет спасения от самой безнадежной пестроты, и Божественная служба плачевным и недоуменным образом обратится в концерт, который, конечно, будет привлекать любопытных, но который неизбежно изгонит церковный чин и молитвенное делание ума из храма. «Поелику мысль твоя, — говорит Божественный Златоуст, ослеплена тем, что слышимо и видимо на театрах, и потому, что там содеывается, то вводишь ты и в церковные обряды, и ничего не значущими воплями разстройство души твоей изъявляешь. Как же прощения испросишь согрешений твоих?»¹²

Разстройство церковного чина от музыкантов в новообрядческой богослужебной практике возникло у нас и удерживается очень давно, начавшись при царе Алексее Михайловиче, когда, по словам Савво-Сторожевского старца Александра Мезенца, «неции возникши от новейших песноснискателей, круподушествующе и блазнящесе о сем, кроме учения, уповающе на свое суетумие, не приемше в знамение и в лицах меры и совершенного познания, предвзымающеся мыслью, мнят сие старословенороссийское... пение преводити во органогласовное, гласоноутное пение и исправляти добре»¹³.

При царе Феодоре Алексеевиче приехали к нам «польские реенты» и началось нотное пение по западным образцам.

С царицы Елизаветы Петровны начались такие рачители красоты и благочиния в православном русском храме, как Галуппи, Карцелли, Сарти и пр. В одной очень интересной книге, изданной в 1823 году под заглавием «Исторические разсуждения, читанныя в публичном собрании Санкт-петербургской Александро-Невской Академии» говорится о церковных музыкантах этого типа следующее: «они, по незнанию ли силы и выразительности... церковных наших стихов, или по предубеждению единственно к музыкальным своим правилам, не брегши часто о благопристойности места и предмета своих концертов, так что вообще не музыка у них принорована к поемым словам священным, по

слова сии только что приложены к музыке... Кажется, они хотели более удивить слушателей концертною симфонией, нежели трогать сердца благочестивою словесною мелодией и часто при песносложениях их церковь более походит на итальянскую оперу, нежели на дом благоговейного молитвословия... Вольность слепых и неразборчивых подражателей итальянской музыки простерлась потом до того, что они начали было вводить в церковное богослужение и нецерковные песни; но великий монарх Павел I, истинный и ревностный хранитель благочестия, запретил то Именным Высочайшим указом от мая 10-го дня 1797 года»¹⁴.

Надо надеяться, что в русской печати в свое время появятся письма покойного Чайковского о современных подражателях этих церковно-музыкальных традиций¹⁵. Ведь и сейчас есть такие странные рачители церковной красоты, «богатый музыкальный слух которых, по словам одного батюшки, словно ропчет на то, что ему надлежит считаться с присутствием других молящихся»¹⁶; и сейчас есть стремление насадить для чего-то на клиросе мотивы мирских народных песен; и сейчас есть у церковных музыкантов такое усердие, чтобы изображать зачем-то на клиросе «волнение моря или злобу грешников»¹⁷.

Пестрота, отсутствие ровности и спокойствия в церковном искусстве является какою-то роковою чертою новообрядческих храмов, как только в них забывается Обиход и запирается в алтаре вместе с Типиконом, как некоторый памятник прошлого. А ведь это отсутствие ровности и спокойствия, эта пестрота и неустойчивость настроений есть не такая вещь, которою возможно было бы пренебречь: это ведь есть уже начаток того *духовного влаяния*, бессильной разбитости внимания, которое и есть — главный наш внутренний враг, по убеждению отцов. Влаяние, отсутствие определений, ограничений, стеснений, «безразсудное парение»¹⁸, родное существо малодушию, это и есть начало греха и «неестественность Адамова», как утверждает Авва Исаия Нитрийский¹⁹. Влаяние настроений и воли нарушает владычествование ума, отводит душу от того, где «ум имеет свою цель и любимое им», (*Макарий Великий*). Именно имея в виду обуздание влаяния отцы предписывали всегда соблюдать раз принятый и всегда одинаковый чин и правило. «Держи всегда одинаковую меру в подвигах и без крайней нужды не нарушай положенного правила... Наложив на себя законы, не изменяй себе, софистически криво истолковывая их потом; ибо кто сим образом отводит себя от них, тот сам себя прельщает (сам себе диавол)»²⁰. Но именно влаяние, по-

стоянное рассеивание внимания искусственными эффектами, постоянная смена настроений является естественным следствием пестроты искусства, где пренебрежен положенный церковный чин и обиход.

В смысле цельности, ровности богослужебного чина упомянутые нами строгие обители, как Гефсимания, Валаам, Оптина и некоторые другие являют совершенное исключение в новообрядческой богослужебной практике; исключение же это определяется тем, что там на иноческих клиросах этих монастырей твердо удерживается (насколько это только возможно по одному преданию и памяти, в особенности при теперешнем перехоже составе клиросов) твердо удерживается столповой распев и как «святое послушание» удерживается раз принятый церковный чин. Все неторопливо идет там своим чередом, всему приходит свое время, во всем видна тихая, но мужественная и неотступная мерность делания.

Для мерности церковного делания, для ровности и мужественного постоянства в исполнении церковного чина необыкновенно и совершенно подходит древнее знаменное пение, и конечно потому, что оно там же, на клиросе и выросло, там и развивалось и там естественно живет. Его не выдумывали посторонние досужие люди в кабинетах и консерваториях с тем, чтобы снисходительно подарить его потом клиросу; нет, оно там же, на клиросе, выработано поколениями монастырских старцев и мастеров-головщиков, умиравших на клиросном послушании. Это тоже драгоценный плод «друг другопоследованного церковного благочестия»²¹. И оттого оно проникнуто духом подвига и послушания. А для нашей русской души оно, знаменное и столповое пение, говорит в особенности, ибо то есть пение русское по преимуществу. «Теоретическая сторона этого пения и его письма, — говорит Смоленский, — сохраняет явные следы греческого влияния; практическая же, в виде постепенного развития напевов и своеобразно тому их знаменной нотации, сложилась исключительно в России и есть безценное наше кровное достояние»²². «Древне-русское церковное пение есть, несомненно, одно из глубочайших произведений нашего народного творчества... оно представляет поучительную картину глубокого музыкального содержания, освещающую народное творчество в самом задушевном и серьезном его вдохновении, — вдохновении религиозном. Внутренняя сторона этого пения — его напевы, созданные давно, пропетые миллионами певцов... между которыми были и таланты и гении, постепенно выработывали напевы сообразно русскому чувству и, наконец, изложили их в тех формах, которые не доступны творениям отдельных людей, хотя бы и

гениев, но которые присущи произведениям народного творчества. Внутренние качества таких форм суть несравненная красота, точность, своеобразный склад изложения и ум этих произведений»²³.

Как же это вышло, что такое безценное наследие русского церковного художества, как знаменное пение на клиросе, было у нас пренебрежено и на его месте встали эти чуждые храму Божию заветы концертного и оперного пения?

Вообще говоря это не удивительно, ибо и в древней церкви, в эпоху таких светил церкви Христовой, как вселенские отцы первого никейского собора, мир успевал врываться со своими шумными и чуждыми храму Божию восторгами в христианскую церковь. Знаменитый в своем роде епископ Антиохийский и дукенарий (Государственный чиновник) Пальмирский Павел Самосатский «песнопения во славу Господа нашего Иисуса Христа вывел из употребления. Говоря, что они суть произведения позднейшие и позднейших лиц: напротив среди церкви на великую Пасху приказывал петь в честь самому себе, и для того назначал женщин, которых слушая нельзя было не содрогаться»²⁴. Так повествует церковный историк Евсевий.

У нас на Руси разрушению церковного чина и уничтожению вкуса к нему способствовали еще особые черты нашей новой истории после царей Алексея Михайловича и Петра I, после бури, пронесшейся над церковной и государственной жизнью нашей родины. В свое время пронеслась первая волна своеобразного русского либерализма, характеризующаяся торопливым отречением от отеческих преданий. «С детским увлечением, опрометью, — говорит Мельников, — кинулось первое (Петровское) поколение в омут новой жизни и стало презрительно глядеть на все прежнее, на все старинное, дедовское. С легкомыслием дикаря, меняющего золотые слитки на стеклянные бусы... опрастывали дедовские кладовые... бывало нарадоваться не могли, променяв дедовскую богомольную золотую, греческого дела, кацею на парижскую табакерку...»²⁵.

Потом прошло еще несколько новых волн преобразовательного либерализма. «Либерализм мой милый, это для меня целое семейное предание! — говорит чиновник у Салтыкова-Щедрина, — это прямо культ! Мой отец, моя мать, мой дед... Мой отец первый подал мысль об обязательном посеве картофеля... помнишь еще потом из-за этого произошли знаменитые картофельные войны!.. Моя мать...» и т. д.²⁶ И произошел отрыв нашего более образованного и правящего общества от род-

ного народа и его жизни, — отрыв, тяжкие последствия которого еще не исчерпаны по сие время. И в этой суете и беготне заглох и сокрылся древний воспитатель русского народа, — наш древне-русский церковно-богослужебный чин, — «исчез без остатка, как умеют исчезать только старатели русской земли»²⁷.

Остатки впрочем у нас еще есть благодаря старообрядчеству, именно в богослужебном пении старообрядцев и, в частности, единоверцев.

И вот теперь, когда, с одной стороны, дана возможность старообрядчеству оказывать себя и жить открыто, когда поднимаются голоса о возможности исправления дела 1667 года²⁸, когда с другой стороны, более или менее поняты прежние ошибки добродушного русского либерализма и решено впредь их по возможности избегать, теперь и возникает вопрос, как же воздать должное этим драгоценным остаткам древне-русского церковного искусства. С недавнего времени новая иконопись и духовная живопись стала с успехом оплодотворяться древними иконописными образцами и мотивами. Вспомним школу Васнецова.

Можно ли ожидать подобного же в отношении церковного пения?

По-видимому, с пением дело обстоит гораздо труднее, чем с иконописью. Мы с удивлением узнаем, что такие композиторы, как Бортнянский и Чайковский были проникнуты горячим желанием перенести дух древнего знаменного пения в те церковные пьесы, которые они обрабатывали. Узнаем мы об этом из рукописей и записок самих этих авторов, с удивлением — потому именно, что, слушая произведения Бортнянского и Чайковского, ничего общего со знаменным распевом мы не улавливаем. Да и сам Чайковский признает, что его стремления остались безуспешными. Так трудно, стало быть, сделать перевод на современный, принятый музыкальный язык церковно-народную музыкальную речь знаменного распева!

И не удивительно, что это трудно: слишком разные художественные стихии, слишком разный дух в том искусстве, которое вырабатывалось церковным послушанием на клиросе, и в том, что называет себя горделиво «чистым искусством», «искусство для искусства». — «Како воспоем песнь Господню на земли чуждей?»

И вот прежде всего предстоит задача всячески оберегать древне-русский клирос от вождедений «искусства для искусства». *Здесь же, на клиросе, в родной благоговейной обстановке должен жить далее и соблюдать себя знаменный распев!*

Знаменный распев — музыкальный служитель Слова. Поэтому сила его в том, чтобы передать ярко и внушительно Божие слово, — более ярко и более внушительно, чем это могла бы сделать простая речь. Но тогда ясно, *что всякое музыкальное ухищрение и излишнее украшение, идущее в ущерб вниманию к передаваемому слову, является уже проступком против церковного пения.* В свое время протопоп Аввакум в этом именно смысле с решительностью возставал против хомового полногласия: «хранити подобает, да не кто сих мирскими красноглаголания словесы уещряет, ниже покусится речения пременити, или всячески шное вместо иного поставляти, но спроста, яко написаны суть, да чтет и поет, якоже речеса»... «И сам певец, поюще, не разумеет, токмо лишь знамя украшает, ревуше: крюки им надобны, а не сила глагола... заслепил днавол косноумием истину разумети»²⁹.

Все это относится в полной мере и к тем переделкам текстов, которые допускаются современными музыкантами, и вообще ко всем музыкальным ухищрениям рассеивающим молитвенное внимание. «Да внемлешь юноша, — говорит блаж. Иероним, — да внемлют те, коим долг есть петь в церкви, что Богу петь должно не гласом, но сердцем; не трагически умягчать сладкогласием гортань и уста, да не слышаны будут в церкви театральные гласоумления и песни, но во страхе, во тщании, в ведении писаний... Так да поет раб Христов, дабы не глас поющего приятен был, но слова чтомья»³⁰.

Не в концертах, не на эстрадах, не в консерваториях будущее поприще и возможное развитие древлеотеческого знаменного распева и настоящего церковного пения вообще, но в родной обстановке его на клиросе. *Если церковный чин нуждается в знаменном пении, то и знаменный распев для полной жизни своей нуждается в церковной обстановке. И на сколько знаменный клирос сохранит свое смирение и послушание в отношении церковного устава, этот последний, в свою очередь, сохранит его от ложных путей и посторонних вождедений.*

Во всяком случае развитие знаменного церковного пения будет зависеть не от того, что досужие люди, настроенные прогрессивно, т. е. жаждущие чего-нибудь нового, сядут и будут придумывать, что бы такое новое устроить в этом пении. Спаси Бог от прогрессивных проб этого рода: много добрых вещей на Руси непоправимо испорчено ими!

История постепенного упадка и извращения церковного пения в новообрядчестве весьма наглядно указывает, какая ги-

белая ошибка отделяет искусство церковного пения от прочего церковного чина, как будто у церковного искусства и церковного пения могут быть какие-то особые художественные пути, помимо жизни храма и клироса!

Церковное искусство вообще и церковное пение в частности никак нельзя отделять от их естественного мира и их естественного делания, – от церкви и клироса. Здесь и только здесь, в непосредственном служении церковному уставу нормальная жизнь и всяческие будущие блага церковного искусства.

Все живущее развивается и идет вперед «к почести венец вышнего звания Божия о Христе Иисусе». Куда и как поведет Господь наш знаменитый распев в его служении церковному уставу, мы не можем этого знать. Знаем лишь, что для жизни и развития своего он должен всегда оставаться верным послушником церковного чина и его нужд.

Преп. Феодор Студит так поучал иноков своей знаменитой обители, ея же и устав мы содержим: «Чада мои, идите тою дорогою, которой держаться вас призывает закон послушания... облекитесь в божественный дар смиренномудрия, и отвлекшись вниманием от dobroгласия, мелодий, приятного чтения и прочих естественных даров и способностей, все усилия устремим на достижение сей цели. Я не то хочу сказать, что следует забросить сказанные добрые качества, но что их надо почитать второстепенными и так их поставить, чтобы они шли позади госпожи добродетелей (т. е. смирения). Ибо если мы, по притче сказанных добрых качеств, или перед худогласными величаемся, или перед неучеными гордимся, или перед нехорошо и неучено читающими превозносимся, или перед безголосыми и худо поющими поднимаем брови: то всеу весь труд наш, не в цель пускаем мы стрелы, а против себя самих... но будем со смирением и беседовать, со смирением и работать, со смирением и читать, со смирением и петь...»³¹

«Семьдесят и пятое шестого собора правило, – говорит Матфей правильник, – молящимся в церкви поющим не безчинны испуцати и развличительны гласы повелевает, но в сокрушение сердца и образе сопрятанне, и умнем внимании молитвы творити и пения. Ниже ломление и безчинны удасы творити излишня пения пестроту, рекше различие и песней терескание, якоже пировникам, паче и игрецам прикладна суть, неже церкви Божии... заповедано бысть простое и не пестрое пение лобызати». Святые афонские отцы в Номоканоне говорят: «да не поются священныя пения и псалмы вищанми безчинными... ниже пениями dobroгласии неприлич-

ными церковному составлению и последованию. Якова же суть мусикийские пения и излишня различия гласов, но со многим умлением и нравы благочестными и святыми приносити Богу молитвы, ведущему тайная сердце наших»... «Поющие глас или отончевают, или возносят, или одебелевают, или велии вопль испуцают, се же да лучши инех явятся и човекоугодие и тщеславие исполняют. Сицевая пения от церкви сути далече. И сице поющие правильно да запрещаются»³².

Различные практические и технические вопросы о церковном пении, которые возникают и будут возникать, решаются в принципе без особых словопрений и споров, когда в самом начале признано, что церковное пение должно быть *и для певцов, и для предстоящих прежде всего молитвою, молитвенным деланием*. Могут ли быть молитвенным деланием эти «мусикийские и прегудные пения и вискания», о которых предупреждает Номоканон? Очевидно, нет, и от того они и должны быть по справедливости устранены из храма.

Вряд ли будет у кого-нибудь сомнение в том, что при концертно-оперном пении исполняющий его хор не может быть в молитвенном делании; а если может, то не может он и служить молитвенному деланию предстоящих и служащих. Что в искусстве создано и исполняется ради наслаждения, развлечения, забавы и т. п., то и воспринимается, как наслаждение, развлечение, забава и пр. Что создано и исполняется просто из технического музыкального интереса, то и будет восприниматься, как нечто именно технически интересное. Искусство, созданное праздным и недейтельным, но склонным к наслаждениям обществом и будет проникнуто духом творца своего, и будет переливать его в новые и новые души, насколько встретит в них хотя бы зачаточные склонности к праздности, неделанию и наслаждению. Искусство тем и велико, тем и страшно, что оно далеко и с необыкновенным могуществом распространяет, закрепляет, может сделать господствующими известные склонности, настроения, цельные душевные состояния. Молитвенному деланию может служить искусство, только созданное молитвенным деланием.

Вот здесь возникает, наверное, вопрос, допустимо ли трехголосное пение на клиросе, желательно ли оно. В прежние времена в старообрядческом мире вопрос решался решительно отрицательно. Если взять еще более раннее время, то увидим, что и в господствующей церкви вопрос решался решительно отрицательно: оба вселенские главы знаменитого Московского Собора 1667 года Кир Паисий Александрийский и Кир Макарий Антиохийский высказыва-

лись против партисного пения в церкви, как «не у обычного всей соборности католической церкви». В настоящее время, как известно, партисное пение является всеобщим обычаем господствующей церкви, и это утвердилось там очень давно, по-видимому «явочным порядком», т. е. без каких-либо авторитетных разрешений: просто так изволися клирошанам и привилегированным слушателям, хотя бы и вопреки ответу вселенских глав 1667 г. теперь задумываются о трехголосном переложении знаменного распева и в некоторых единоверческих приходах.

Так желательно ли, допустимо ли такое переложение?

На основании всего предыдущего мы думаем, что вопрос этот, раз уже он возникает, должен быть поставлен так: выиграет ли искусство знаменного пения от партисного переложения в смысле молитвенного делания певцов? Если выиграет, и молитвенное делание певцов от партиса поднимется, то несомненно поднимется и значение пения для предстоящих во храме, ибо жизнь клироса тотчас передается жизни остального храма. Но возможно ведь, что молитвенное делание клироса и не

выиграет от партиса, а наоборот проиграет. Возможно, что техническая сторона партиса, — различие голосовых партий, — будет отвлекать от молитвенного делания внимание певцов и будет затем вносить развлечение в молитву предстоящих. Счел ли бы преп. Феодор Студит желательным партисное пение на клиросе своей лавры, когда он предписывал известную степень отвлечения внимания от мелодий, чтобы дать место впереди госпоже добродетелей — смиренномудрию? Не нарушит ли партисное пение молитвенного единства между клиросом и предстоящими? Не выделит ли оно певцов, как нечто особое от храма, на эстраду? Не внесет ли оно, наконец концертного духа в единоверческий храм?

И еще: не превышает ли бремя всех этих сомнений и тревожных возможностей те блага, которые представляются привлекательными в партисе?

Кажется, что бремя сомнений и тревожных возможностей покрывают эти блага с избытком!

Князь А. Ухтомский

1 В. Сенатов. Философия Истории Старообрядчества. Москва. 1908. Вып. I. Стр. 44.

2 Великая слава на утрени записана еще в Апостольских постановлениях. VII, 47.

3 Феодор Эдесский. Деятельные Главы, 15.

4 Григорий Синаит. Наставление безмолвствующим, 5.

5 Преп. Максим Исповедник. О любви вторая сотница, 83.

6 Блаженный Диадок. Подвижническое слово, 33.

7 Блаженный Диадок. Подвижническое слово, 56.

8 Наставление безмолвствующим. 2, 5.

9 Книга правил. Правила VI Вселенского Константинопольского Собора, правило 75.

10 Авва Филимон. Сказание о нем. Добротолюбие. III, стр. 406.

11 Augustini. Confess. Lib. X. Cap. 33.

12 Святитель Иоанн Златоуст. Беседа I на пророка Исаию.

13 Ст. Смоленский. Азбука Знаменного пения старца Александра Мезенца. Казань. 1888. Стр. 7.

14 «Исторические разсуждения...». С дозволения Святейшаго Собора. Санкт-Петербург, в Синодальной типографии. 1823, стр. 241.

15 Письма Чайковского к Киевскому викарию преосв. Сильвестру хранятся у преосв. Арсения, архиепископа Новгородского.

16 Свящ. Н. Р. Антонов, Храм Божий и церковныя службы. Санкт-Петербург. 1911. стр. 66.

17 Там же.

18 Блаженный Диадок, Добротолюбие, т. III, стр. 72.

19 Исаия Нитрийский, там же т. I, стр. 361 и след.

20 Авва Фаласий, там же т. III, стр. 325-7.

21 Поморские ответы. Ответ 3-й.

22 Азбука знаменного пения... стр. 31.

23 Смоленский, там же, стр. 25.

24 Евсевий. Церковная история, VII, 30.

25 Мельников-Печерский, Собрание сочинений. т. V, стр. 299.

26 Салтыков-Щедрин, Собрание сочинений. 5 изд. Т. V, стр. 299.

27 Он же. Т. III, стр. 527.

28 См. например у Каптерева: Патриарх Никон и Царь Алексей Михайлович. Т. II. Сергиев Посад. 1912. Стр. 529.

29 См. П. Смирнова, Внутренние вопросы в расколе. 1898. Стр. 213 и след.

30 In Ephes. V.

31 Преп. Феодор Студит. «Наставления». Добротолюбие. Т. IV, стр. 86-89.

32 Номоканон.

Лица

Муж государственный и верный

(продолжение)

ПОРОЙ считается, что «время — лучший доктор». Кто даже тридцать лет назад мог предположить, что затаенные обиды окраинных народов Империи приведут к потрясению всего евразийского пространства? И где гарантия того, что повсюду выросшие на месте растаявшего льда, «подморозившего Россию» (К.Н. Леонтьев) уже нового, трикрат более сурового, советского консерватизма храмы (конечно, слава Богу, что хоть они есть!) навсегда изгладили память о ранах и горях, о коих еженедельно напоминает официально поставленная в Большом и Кировском «Хованщина»? Разве не на Соловках, на месте гибели мучеников-сидельцев XVII века, размещался в веке XX знаменитый СЛОИ — Соловецкий лагерь особого назначения, где содержалось преимущественно духовенство? Разве только подстрекательством инородцев-комиссаров можно объяснить глубинное, *нутряное* остервенение против «тунядцев-попов» у чисто русских, преимущественно деревенских людей в веке XX-м? И что впереди нас ждет? Отход от Православия молодежи все более очевиден и уже приобретает очертания звериные, хотя слова сегодня иные, чем у колхозных атеистов... Где гарантия?

Такие люди, как Третий Иванович Филиппов, государственный, чиновник, знаток церковного права, хотели, чтобы гарантия была.

В чем состояло, по мнению Третья Ивановича, главное внутреннее эклизиологическое и правовое противоречие в положении Единоверия, которое он упорно отказывался называть «единоверческой церковью», подчеркивая, что оно — часть Единого Православия?

Главное состояло в следующем. С одной стороны, дореформенный обряд был «дозволен» к употреблению в единоверческих приходах, правда, только единоверческих. С другой, над всею Русскою Церковью, в том числе и над новообрядной ее частью тяготели так называемые Клятвы соборов 1656, 1666 и 1667 годов, наложенные на православных христиан, придерживавшихся чина и устава, принятого со времен святого князя Владимира. Собор 1656 года (23 апреля — 2 июня) одобрил книгу *Скрижалъ*, заповедал читать ее наравне с Евангелием и отлучил от Церкви всех, придерживающихся двуперстия.

Собор 1666 года (февраль — 2 июня) предал анафеме и отдал «градскому судилищу» ревнителей древнего благочестия. Собор 1667 года (так называемый Большой Московский Собор) с участием безместных греческих «патриархов», уже не осуществлявших свои обязанности (кроме того, Иерусалимский Патриарх не приехал вовсе), наложил на приверженцев старого обряда проклятие *«Аще ли же кто не послушает повелеваемых от нас и не покорится святой восточной церкви и сему освященному собору или начнет прекословити, и противлятися нам:*

Т.Н. Филиппов

И мы такового противника, данную нам властью... аще ли будет от священнаго чина, извергаем, и обнажаем его всякого священнодействия, и проклятию предаем. Аще же от мирскаго чина, отлучаем и чужда сотворяем от Отца и Сына и Святаго Духа: и проклятию, и анафеме предаем, яко еретика, и непокорника: и от православного всесочленения и стада: и от церкви Божия отсекаем, дондеже уразумеется и возвратится в правду с покаянием. А кто... пребудет во упрямстве своем до скончания своего: да будет и по смерти отлучен, и часть его и душа, со Иудею предателем, и с распятыми Христа жидовы: и со Арием, и со прочими проклятыми еретиками. Железо, камень и древеса да разрушатся, и да растягнутся: а той, да будет не разрешен, и не растлен, И яко тимпан, во веки веков, аминь». Собор «выводит» двуперстное знамение, сугубую аллилуйю и русский текст Символа веры из арианской, армянской и несторианской ересей, тем самым «соделывая еретиками» всех русских святых от св. Владимира до св. Патриарха Ермогена (включая, разумеется, преподобных Сергия Радонежского и Иосифа Волоцкого); и в толковании «патриархов» Паисия и Маркария говорится: «Аще же кто будет противитися нам и всем освященному собору, Богу противляется, и уподобляет себе прежним проклятым еретикам. И сего ради наследити имать, якоже и тии еретицы анафему, и проклятие святых богоносных отцев, святых семи вселенских соборов: и в страшный суд о сем осужден будет». Собор изрек «клятву и проклятие» на вождей старообрядчества (поименно). От себя добавим, что одновременно по личной просьбе Царя Алексея Михайловича участники собора утвердили низложение Патриарха Никона за его «восхищение» царских полномочий и приговорили к ссылке в Ферапонтов монастырь простым иноком. Тем самым по Русской Церкви был нанесен двойной удар — косвенно проклята вся ее святость и духовный путь от начала и до самого собора и прямо изгнан пусть заблуждавшийся, но законный Патриарх, и открыт путь к государственному абсолютизму. Совершенно правы те, кто утверждает, что «семнадцатый год был следствием семнадцатого века».

Тертий Иванович Филиппов указал на три мнения относительно клятв собора 1666-67 гг.:

- 1) Что они изречены на старый обряд как таковой.
- 2) Что они не касались прошлого, распространялись на всех тех, кто будет

придерживаться его в будущем вне зависимости, готов он отделиться от Церкви или нет.

3) Что клятвы вовсе не касаются самих обрядов, а только тех лиц, кто не подчинился решениям самого собора (прежде всего, протопопа Аввакума, попа Лазаря, диакона Федора и др.), а также всех будущих «записных раскольников» (о них см. в предыдущих номерах «Правды Православия»).

Первой точки зрения придерживались (и придерживаются) сами «записные раскольники», а также большинство общеправославных иерархов, включая митрополита Платона, полагавших «оставление» единоверцами старого обряда «за снисхождение к их немощам». Впрочем, еще в начале XX века старообрядцы, как правило, говорили, что клятвы их не касаются вовсе, поскольку они к «господствующей Церкви» не принадлежат, а с клятвами «разбираться» следует только единоверцам да историкам. На второй настаивал сам Тертий Иванович и большинство единоверцев XIX века (а также, добавим, отцы Всероссийских Поместных соборов 1917-18 гг. и 1971 г., стоявшие за отмену клятв). Третью разделяла либеральная часть миссионерского движения, многие перешедшие в Единоверие из безноповских согласий, в частности, настоятель московского Никольского единоверческого монастыря архимандрит Павел Прусский, (отнодь не либерал, — материал о нем готовится для раздела «Лица»).

Строго говоря, какой бы точки зрения лично ни придерживался бы сам Филиппов (а надо признать, в часы раздумий он не мог «с налету» отбрасывать первую), в данном случае он выступал как адвокат и правовец, и вторая из перечисленных трех давала сугубые преимущества в деле отстаивания прав Единоверия и единоверцев. «Я держусь того, которое изложено в пункте втором, — говорил Филиппов, — и утверждаю, что после соборного определения 13 мая 1667 года члены русской церкви не имели свободы следовать по своему выбору, прежнему или новоисправленному обряду, если только они хотели остаться в согласии с постановлением собора, и что изреченные собором отлучение и клятва отсекали от церковного общения всякого, кто не соглашался изменить прежнему обряду, хотя бы он при этом был во всем покорен Церкви и желал пребывать в ее общении». В доказательство сего докладчик ссылаясь на обращение собора к священникам и вообще духовному чину: «Аще кто из вас не послушается, хотя в едином чесом повелеваемых от нас, или начнет прекословити,

и вы на таковых возвещайте нам, и мы таковых накажем духовно; аще же и духовное наказание наше начнут презирати, и мы таковым приложим и телесныя озлобления (везде выделено Т.Ф.). Под телесными озлоблениями подразумеваются, разумеется, «предания градским властем», пытки и казни!

В подтверждение данного довода Филиппов приводит конкретные факты, свидетельствующие и о том, что исполнение данного повеления началось сразу же после собора. «Так, ссылка моя на статью г. Нильского («Хр. Чт.», 1870, май), в которой сказано, что сперва соловецкие старцы, а впоследствии (в 1682 г.) раскольники, предводимые Никитой Пустосвятом, желали остаться в союзе с Церковью (выделено нами – В.К.) на условии свободы в употреблении до-никоновского обряда и с такого рода просьбою обращались к власти, – совершенно не удалась». Также приводит Филиппов и рассказ о прении стрелецкого головы Савы Романова с Патриархом Иоакимом, сказавшим ему: «Все вы о сем стязуетесь. Мы никогда за крест и молитву не мучим, но за их (стрельцов-старообрядцев – В.К.) непокорство: что возмущают народы, не велят в церковь ходить, исповеди и причастия от священников приимати и тем множество людей от Церкви отлучили». Савва Романов отвечал: «Правду ли глаголеши, яко за крестное знамение и за молитву не мучите? То чесо ради, егда приведут пред вас коего христианина и в первых словесех истязуете его, како крестится и како молитву творит? И аще отвещает оный: крещуся и молитву творю по-старому, яко же святая Церковь прияла от св. богоносных отец, и вы за того часа велите его и мучити, и в тюрьму принете на смерть. И ныне у тебя в Нижнем Новгороде сядят три человека за крест и молитву в яме, которая ископана глубиною сажений десять под башнею. По твоему же приказу приходил к ним поп Евфимий мироносицкий и, извед их из ямы, вопрошивал: повинуются ли Церкви во всем и архиерею?» Они же, приемше от него благословение, отвещаша: «Во всем повинуемся и волю вашу без прекословия будем творити, точию увольте нас крестное знамение и молитву по-старому имети, и оной поп тебе возвестил, ты же паки повелел в ту же яму бросити» (выделено Т.Ф.).

Петровские времена добавили не только новые гонения, но и новые юридические установления. Так, в 1720 году по распоряжению Императора был издан чин

принятия в Церковь обращающихся от раскола, в коем новообращенному предлагается отречение от двухперстного сложения, сугубой аллилуйи и других особенностей старого обряда, причем произносить их следовало вместе с проклятием ересей. Тем самым вместо покаяния в грехе неподчинения Церкви, то есть собственно раскола, предлагается прием третьим чином, как бы от ереси. Более того, «в разъяснение» императорского распоряжения, 15 мая 1722 года был издан указ синода, пункт и которого гласит: «**Которые хотя святей Церкви и повинуются и вся церковныя таинства приемлют** (выделено нами – В.К.), а крест на себе изображают двема персты, а не троеперстным сложением: тех, кои с противным мудрованием и которые хотя и по невежеству и от упорства то творят, **обеих писать в раскол, не взирая ни на что**» (выделено Т.Ф.). На деле преследованиям подвергались не только следование старым обрядам, но и хранение икон и книг дониконовского времени. При этом сами иконы приравнивались к языческим изображениям. Так, определением 4 февраля 1726 года Синод постановил: «**присланный от поручика Зиновьева с ветхими святых иконами, написанный пред образом Пресвятыя Богородицы (без подписи), по раскольническому вымыслу, с изображением двухперстного сложения, кумир** (выделено Т.Ф.) **истребить немедленно**». В 1729 году от 28 июля вышло постановление о лишении сана священника Евдокима Михайлова за **сокрытие старопечатных книг**. Примеры такие можно множить бесчисленно, и мы можем это делать уже помимо Тертия Ивановича.

Первое в русской истории «изъятие икон» (причем массовое, с заменой их на живописные изображения, как правило, до невозможности безвкусные) приходится на XVIII век, в основном на 30-40-е годы, когда внешнее убранство и облик храмов изменился настолько, что, казалось (казалось ли?!), будто все происходит в другой стране и другой Церкви. Так что «воинствующие безбожники» XX века ничего нового, по сути, не придумали...

Но вернемся собственно к докладу.

С началом царствования Екатерины II, указывает Т. И. Филиппов, политика правительства по отношению к старообрядцам меняется. Мы говорили уже, что причиной тому были отнюдь не убеждения Императрицы, но для Тертия Ивановича это в данном случае совершенно не имеет значения. Важно, что в связь с этим поставляются усилия инок Никодима и его соратников. При Павле I объединительные усилия об-

ретают необратимую направленность, поскольку взаимны. Правила митрополита Платона 1800 г. разрешают и благословляют употребление старых обрядов для тех их приверженцев, которые признают над собой церковную власть. Однако правила 5 и 11 не дают возможности «общеправославным» и «незаписным раскольникам» «переписаться в Единоверие» и даже просто совершать таинства в единоверческих храмах, в то время, как обратное дозволялось. Тем самым лица, признаваемые чадами одной и той же Церкви этой же Церковью ставились в совершенно неравное положение (от себя добавим, что к чести светской власти никакого гражданского, по службе и т. п. притеснения единоверцам не было). По мысли Филиппова складывалось уникальное (в отрицательном смысле) положение, которого никогда не было в истории Православия ни в одной поместной церкви: старый русский обряд оказывался одновременно проклятым (соборами 1656, 1666–1667 гг. и последующими распоряжениями Синода) и благословенным (Правилами Единоверия). При этом сам митрополит Платон «в числе доводов, приведенных им в оправдание его распоряжения, о соборе 1667 г. и его определении даже вовсе не упоминает; за основание же для удовлетворения просьбы старообрядцев принять, во-1-х, пример апостольского снисхождения к немощам, во-2-х, надежду на приобретение св. Церкви множества человеческих душ. О клятвах же сказано только в том смысле, что они наложены на старообрядцев праведно».

Иначе смотрел на дело полстолетия спустя святитель Филарет. Назвать его приверженцем русского обряда, конечно, нельзя — даже при освящении в 1854 году Никольского единоверческого храма на Рогожском кладбище он был облачен не в старорусское, а в старогреческое митрополичье одеяние. Но при этом он вполне последовательно придерживался заявленных им в получении на освящение этого храма знаменитых на всю Россию слов: «Вы единоверцы нам, а мы единоверцы вам». Отсюда и его согласие дать единоверцам викарного епископа Богородского (сегодняшний г. Ногинск).

«В 1864 году, — указывает Филиппов, — московские единоверцы обратились к своему знаменитому архипастырю, прося его ходатайствовать перед св. синодом о сношении с восточными патриархами по вопросу о клятвах 1667 г. Митрополит Филарет не только не отказал им в этом, но принял их просьбу с вниманием и любовью.

В св. синоде она встречена была с тем же вниманием, но возжеленное сношение с представителями восточных церквей, с нетерпением ожидаемое многими тысячами искренних душ, готово было совершиться; но случилось препятствие, возникшее оттуда, откуда следовало бы, по-видимому, ожидать только помощи. Из дел св. синода, обязательно сообщенных мне по распоряжению г. обер-прокурора св. синода, видно, что наше константинопольское посольство, которому предварительно сообщено было о намерении св. синода обратиться к братьям своим, восточным патриархам, отвечало на это, что оно сильно сомневается в успешном исходе задуманного дела: так как, по его предположениям, патриархи никогда не согласятся признать двоеперстие и другие ему неизвестные особенности до-никоновского обряда, что они потребуют отчета в разрешении единоверцам употреблять эти особенности, которые воспрещены собором 1667 года, и т. д. Впоследствии самые события неопровержимо доказали, что сношений по сему предмету опасаться вовсе не было причины и что если бы эти сношения были своевременно сделаны, то теперь русская церковь имела бы уже утешение видеть всех честных старообрядцев, преимущественно тех, которые перешли в единоверие, успокоенными в не покидающем их доныне недоумении».

В качестве подтверждения своей точки зрения Филиппов приводит статью из одного из летних номеров за 1872 год газеты «Голос» под заглавием «Вести из далекого старообрядческого уголка». В ней сообщается о прошении майносских старообрядцев (в азиатской Турции) соединиться с Православною Церковью на тех же правах, на каких с ней соединились единоверцы в России. Вселенский Патриарх Иоаким III, удовлетворившись представленным ему удостоверением в том, что Русская Церковь принимает таковых старообрядцев в свое общение, прошение удовлетворил, причем постановил, чтобы пришедшим в общение Церкви майноссцам священный причт был поставлен рукою русского иерарха. В связи с этим было составлено «Признательное приветствие» Патриарху русских единоверцев.

Заканчивая свой доклад, Третий Иванович Филиппов произнес следующее:

«Я кончил, милостивые государи, и, предполагая, что, по вниманию к важности рассмотренного мною вопроса, кто-нибудь из присутствующих по-

желает вступить со мною в дальнейшие объяснения, счел полезным выразить сущность сказанного мною в следующих кратких положениях:

а) По буквальному смыслу соборного определения 13 мая 1667 г., употребление до-никоновского обряда воспрещено было на будущее время безусловно. Отлучение от Церкви и клятва собора, не касаясь лиц, употреблявших эти обряды до соборного о них решения, изречены были на всякого, кто после сего решения отказывался принять новоисправленных церковный обряд.

б) Этому определению вполне соответствуют приведенные в моем рассуждении последующие постановления духовной и мирской власти до времен Екатерины II, равно как и полемические приемы обличителей раскола за этот период времени.

в) Разрешение употреблять дониконовский обряд, данное обратившимся к Церкви старообрядцам сперва при Екатерине II, сперва без определенных условий, а потом при Павле I, на условиях, из-

ложенных в 16 правилах 1800 г., с точным смыслом соборного определения 1667 г. не согласно.

г) Ограничение церковных прав единоверцев, изложенное в 11-м и некоторых других пунктах правил митрополита Платона, ставит их в такое положение, которому в православной Церкви нет никакого подобия и которое во всяком случае не согласуется с постоянным и всеобщим православным началом свободы обряда.

д) Для устранения этих противоречий, которые связывают не только единоверцев, но и нас самих, необходим пересмотр соборного определения 1667 г., в котором не было предвидено случаев искреннего обращения к Церкви на условии сохранения прежнего обряда.

е) Наиболее удовлетворительным способом для пересмотра этого определения было бы созывание нового собора, который необходим православной Церкви и по другим, не менее важным причинам».

1 В книге Скрижалъ, помимо объяснения и оправдания нововведений, содержится еретическое учение о том, что до крещения Иисус не был Христом, а также латинский взгляд о разделении Церкви на «учащую» и «учимую».

2 Ссылки на материалы Собора цит. по «Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы. Опыт энциклопедического словаря». Церковь, М., 1996, с. 144.

3 Автор этих строк в этом двойном качестве признаюсь, и сам склоняется к данной точке зрения как раз именно из-за того, что в решениях собора вполне определенно проведена связь русского обряда с арианской и армянской ересями (включая будущее подложное «Деяние на Мартина арменина»), разумеется, совершенно измышленная.

4 Поп Никита Константинович Добрынин прозван «Пустосвятом» сторонниками новин. Указанная челобитная (с разбором ересей книги «Скрижалъ») была составлена в Суздале около 1665 г., в декабре которого он был схвачен, подвергнут суду на соборе, расстрижен и заточен в подземельях Николю-Угрешского монастыря. Определение на челобитную составлено на латыни. Под угрозой сожжения покаялся, однако в 1682 г. во время стрелецкого восстания («Хованщины») вновь подал челобитную, чтобы «в царствующем граде Москве старую православную веру возобновити». 5 июля в Грановитой палате состоялись его прения с Патриархом Иоакимом, которые должны были быть продолжены через два дня. Однако он был схвачен и 11 июля убит.

5 Во главе русского дипломатического ведомства стоял очевидный агент влияния Англии и Франции, убежденный западник и враг любых союзов России с Германией и исламским миром князь Горчаков, между прочим, изгнавший с дипломатической службы Леонтьева со словами: «Мне монахи не нужны».

6 Подобные мысли звучали и на Всероссийском съезде православных старообрядцев (единоверцев) 1912 г. Нам представляется, что, поскольку все участвовавшие в соборе «патриархи» были безместными, то есть лишенными своих кафедр, а Патриарх Иеросалимский на собор не приехал, такого подтверждения не требовалось. Поместный Собор РПЦ 1971 г., снявший клятвы, никуда не обращался и поступил совершенно правильно.

Ведущий
рубрики —
В. И. Карней

БОГОСЛУЖЕНИЕ В ХРАМЕ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА В ИЮНЕ

Дата	День недели	Время	Богослужение
2	среда	17:00	Вечернее Богослужение
3	четверг	06:30	Божественная Литургия. Сретение чудотворной иконы Пресвятыя Богородицы Владимирския
4	пятница	17:00	Вечернее Богослужение
5	суббота	06:30	Божественная Литургия. Отдание праздника Пятидесятницы.
		15:00	Всенощное бдение
6	воскресение	07:00	Божественная Литургия. Неделя первая по Пятидесятнице, всех святых
		17:00	Вечернее Богослужение
7	понедельник	06:30	Божественная Литургия. Третье обретение честныя главы святого и славного Пророка и Предотечи Крестителя Господня Иоанна.
11	пятница	17:00	Вечернее Богослужение
12	суббота	06:30	Божественная Литургия. Святыя преподобномученицы Феодосии девицы
		15:00	Всенощное бдение
13	воскресение	07:00	Божественная Литургия. Неделя вторая по Пятидесятнице. Святого апостола Ермия
18	пятница	17:00	Вечернее Богослужение
19	суббота	06:30	Божественная Литургия. Преподобного отца нашего Илариона новаго, игумена обители долматов.
		15:00	Всенощное бдение
20	воскресение	07:00	Божественная Литургия. Неделя третья по Пятидесятнице. Святого священномученика Феодота Агкирского
24	четверг	17:00	Вечернее Богослужение
25	пятница	06:30	Божественная Литургия. Преподобныя матере нашей великия княгини инокини Анны Кашинския.
		17:00	Вечернее Богослужение
26	суббота	06:30	Божественная Литургия. Святыя мученицы Акилины.
		15:00	Всенощное бдение.
27	воскресение	07:00	Божественная Литургия. Неделя четвертая по Пятидесятнице. Святого пророка Елисея.

В расписании возможны изменения.

Кроме дней, указанных в расписании, в единоверческом храме Архангела Михаила ежедневно совершается полунощница в 6:30, а также вечерня и павечерница в 17:00.

Издание МихаилоАрхангельской Единоверческой общины

Главный редактор: св. игумен Иринарх
 Ответственный за выпуск: диакон Е.Н. Саранча

Заведующий производством: И.В. Краев
 Корректоры: М.Н. Душин, А.И. Титова

Телефон редакции: (095) 510-51-21
 (2004 год, выпуск VI)

Ваши пожертвования на приобретение данного издания будут использованы на нужды воскресной школы храма Архангела Михаила и издательскую деятельность нашего прихода.

Дорогие читатели, низкайше просим Вас, после прочтения очередного номера нашего издания, не использовать его ненадлежащим образом, памятуя о том, что в нем находятся священные изображения и надписания священных имен Господа Иисуса Христа, Пресвятыя Богородицы и святых угодников Божиих.

Если небрежением или по незнанию сделали что неправильно или неукусно, Вы, православные христиане, простите нас, Христа ради, да и Вас простит Господь Бог наш. Аминь.